

Неодолимая броня

1

У открытого окна сидел, благодумствуя, некто Сергей Сергеевич Сухоруков. С чувством вдыхая слегка сыроватый весенний воздух, он попивал чаёк. Будучи в состоянии душевного размягчения Сергей Сергеевич жмурился, вяло дул в чашку и обжигался кипятком. В некотором отдалении в кресле важно восседал здешний дворник и хрустел сушкой так, что казалось: вот-вот на пол посыплется осколки зубов. Но дворник грыз, сопел, прихлёбывая чай, молчал и пребывал во здравии, с целёхонькими зубами. Кроме Сухорукова и дворника в комнате были мухи. Ожившие под солнцем, они лениво ползали по замутнённым окнам.

Сергей Сергеевич имел вид человека пожившего. Настало время в его жизни, когда становится неважными мелочи быта. Оттого-то в запущенной квартире, в её обстановке, чувствовалась этакая рапсодия. Не сведущему могло показаться, что хозяин ведёт подлый образ жизни, но это было не так. Мысли его текли в правильном направлении, сообразуюсь уже с законами симфонии, что немало способствовало умеренному благополучию. Трезвость рассудка выгодно отличала его от многих прочих обитателей дома.

— Ты, Сергеич, погодь чуток, не гоношись. Чего удумал! Красота у него во-вторых. На кой ляд она мне... — и действительно, дворник выглядел так себе: изрытая оспинами красная физиономия мало у кого вызвала бы прилив приязни к этому субъекту. К тому же недельная

шестина пиками торчала со щёк и подбородка, придавая законченность неприглядному виду «мастера чистоты» (так он значился в штате домоуправления).

— Именно! Здоровье, красота, а уж после нажитое добро, — отозвался Сухоруков. На минуту его вниманием овладел жилец сверху, вечно пьяненький Гаврилыч. Тщедушный тип неопределённого возраста, привязался в поисках правды к ветхой старушонке, тащившейся по своим делам неведомо куда. «Захламили, намусорили, а убирать некому, — сокрушался он. — Это же в пьяном виде и по двору не пройти!». Отведя взор от зрелища, он поворотился к дворнику и продолжил:

— Впрочем, не ясно каким способом нажитое. Гм... Вопрос! А что же первично? Без богатства, как известно, здоровья не обретёшь.

Не беседа с недотёпой завлекала его, но игра ума. В эту минуту требовалась живая душа, что приняла бы на себя накопившейся сарказм. Ещё вчера казалось, что соседи да и те, с кем волей-неволей приходилось общаться по житейским пустякам — сплошь милые люди. Даже Гаврилыч, регулярно затапливающий ему кухню, был человеком не вредным, иногда даже полезным. Теперь же запросто не решить вопроса из тех, что усложняют быт. Скуксившиеся в фальшивом участии физиономии всякого рода дельцов препятствовали тому. И только худеющий кошелёк ещё как-то улаживал обывательские беды. Оттого-то, отмечал он, дух людской мерк. Грядущее представлялось туманным, и мысль о нём терзала его.

Послышалось бульканье — что-то развеселило дворника.

— Мысли твои знаю. Не тревожься. Как говаривали в старину, мол, погоди, безумный, зелень оживится! М-м, там кто-то, хрен его знает кто, честное слово, лето возвратится...

— Юнкер Шмидт, — машинально вставил Сухоруков.

— ... а посему следует тебе оставить дурость свою и заняться хозяйством. Русскому человеку предписано картошку растить и прочий овощ, а того, кто шибко задумывается, поправим. Это у каких-нибудь немцев заведено так, чтоб каждый занимался своим делом. У нас все должны делать всё. Оттого-то ничего путного и не получается. Усёк? — Свирепое лицо дворника разогнало остатки благодушия Сергея Сергеевича. Он по-новому взглянул на визави, силясь вспомнить его имя.

— Кузьмич, — тут же подсказал дворник, впиваясь в сушку. Вид у него был таков, что, казалось, будто бы всё, о чём мог подумать Сухоруков, для него не являлось секретом.

— Ты... ты кто? — выдавил из себя Сергей Сергеевич.

— Пришелец.

— А дворник кто? — поглупевшее лицо хозяина украсили вытаращенные глаза и открытый рот. Выражение испуга сменялось выражением растерянности, и снова испуг каменной маской наполнил на его физиономию.

— Вот наблюдаю я вас, аборигенов, значит... Может, уже с месяц, а может, и того больше. И что же? А ничего! Пустое вы природное явление. И это очень правильно! Не хватало, чтоб бодливой корове Бог ещё и рога бы дал. Оттого-то и расселюсь я тут. Заведу отечество своё помаленьку.

— Ты, Кузьмич, случаем, не пьян? — надеялся обмануться Сергей Сергеевич.

Дворник не ответил. Он махнул рукой, и в комнате образовалась куча хлама. Появившаяся дрянь не была статична. Куча беспрепятственно шевелилась, источая запахи, сопутствующие обычному мусорному контейнеру. И ещё одно обстоятельство окончательно доконало Сухорукого: мусор не касался пола. Он как бы расположился на невидимой магнитной подушке и плавал в воздухе, не нуждаясь в опоре.

— Вот она, сама квинтэссенция жизни существ думающих, — сказав это, дворник пружинисто поднялся с кресла и возлёг на хлам. Кузьмич в блаженстве закатил глаза и заухал, закричал от удовольствия. — Везде теперь будет так. По всей планете... Кстати, всю эту дрянь породил в течение месяца ты. Вот и в башках ваших так же — мусор один...

Сергей Сергеевич встряхнул головой, и всё вернулось на прежние места. Дворник, как ни в чём не бывало, пил чай, а мусора не было и в помине. «Привидится же такое», — мелькнуло в голове.

— Гм, Кузьмич, а ты ... это... когда собственно устроился на работу? Что-то раньше я тебя не замечал.

— Так с месяцем уже будет. Раньше-то я в другом месте мёл, а теперь вот перевели. Говорят, на повышение...

Охая и побряхтывая, он поднялся с насиженного места. Поставил чашку на подоконник. Кузьмич пристроил её как-то неловко, на самом краю. Казалось, что одно неосторожное движение, и она рухнет вниз, на пол, чтоб вдребезги разлететься фарфоровыми частичками. Сергей Сергеевичу стало жаль чашки, и он уже сделал было движение, чтоб обезопасить её от случайности, но в это самое время на край её села жирная муха. Она была из тех, что ползали по окну, разминая лапки. Очень неприятно было видеть, как муха заползла внутрь чашки, прикасаясь мерзкими членами там, где минуту назад были губы дворника. А, значит, возможно, когда-нибудь и он сам станет пить из этой чашки. Воображение услужливо нарисовало картину полную мерзостей. Раздумывая, он замешкался, и в следующее мгновение некая сила заставила сосуд дрогнуть. Стон вырвался из груди Сухорукова. Развязка была близка. Но, не достигнув пола, чашка застыла в воздухе.

— Встречный гравитационный поток, — донёсся до него мрачный голос. — Локальная зона турбулентного завихрения. Стоит приложить небольшое усилие и предметом можно управлять как заблагорассудится, — дворник с видимым напряжением смотрел на чашку, — но контроль теряется, если отвлечёшься.

И действительно, когда Кузьмич перевел взгляд на ошарашенного Сухорукова, чашка продолжила свой недолгий полёт. Один из осколков довольно сильно саданул под колено оторопевшего хозяина.

— Значит ты, Кузьмич, пришелец тайный... — прошептали побелевшие губы Сергея Сергеевича. — Выходит, ты поработить решил всех нас...

— А как же! Человеку не рабом быть никак нельзя. Душа у него сконструирована так, что не подчиняться он не может. Иначе заболит он — человек-то бишь. Принять решение какое-нибудь, а то и вообще думать самостоятельно, для человека крайне вредно, ибо не свойственно его сути. Непосильное это для него бремя. Встречаются отдельные особи из тех, что пытаются мыслить, понять саму первопричину, истину бытия. Но я таких отслеживаю и нейтрализую. Зачем нарушать гармонию мира раба? Не надо её нарушать. Вот я к тебе, Сер-

геич, давно присматриваюсь. С одной стороны ни то ни сё, а с другой, мыслишками глупыми балуешься. Вред от того. А мне жить здесь... Так что пойми меня правильно. Человек ты симпатичный, но шибко вредный, жить мешающий. Обязательно, понимаешь, надо присматривать за тобой, чтоб не сотворил чего, — при этих словах Кузьмич извлёк из кармана небольшую блестящую раковинку, похожую на морскую ракушку рапан. — Полезная вещичка. Гляди, как она действует.

Приладив её к подлокотнику, он снова устроился в кресле. В ту же минуту фарфоровые осколки исчезли. Можно было угадать, по едва уловимому упругому ветерку, что они, расщеплённые на ионы, скрылись внутри ракушки.

— Мечта дворника! — прокомментировал Кузьмич.

— Значит, всех свободы воли лишишь, а меня так и вовсе...

— Нет её, свободы воли-то. Оттого и ответственности людишки за свои действия не чувствуют. Какая на человеке вина, коли он не волен в своих действиях? Вот у растения воля имеется, она во влечении по возбуждению проявляется. У животного — в реализации желания. Существо мыслящее выбирает в соответствии с идеей. А человек выбирать-то ничего как раз и не в состоянии. Оттого всякая особь людская, коя способна выбирать решение, опасна. Впрочем, пустое. Чаи гонять приятно, но пора и честь знать. Теперь за тебя, Сергеич, примемся...

Сухоруков словно пробудился. Повинуясь инстинкту самосохранения, он кинулся к ракушке. Теперь он был проворнее. Машинка, уничтожившая осколки чашки, была зажата в его руке. Он без колебаний направил её на Кузьмича, на лице которого, впервые за время их знакомства, появилось выражение удивления. Не страха, а именно удивления. Пришелец-дворник, видимо, никак не мог предположить такого вероломства со стороны Сергеича-раба. Через мгновение всё было кончено. Холодный упругий ионизированный поток устремился внутрь блестящей «рапаны».

— Особенной милости Николая Чудотворца удостоился я, — прошептал Сергей Сергеевич.

Он обессилен. Прижавшись спиной к стене Сухоруков сидел на полу и бессмысленно смотрел на опустевшее кресло. «А что если Кузьмичом дело не ограничивается? Что если этих дворников по земле шастает неизвестно сколько?». Рука машинально потянулась к ракушке.

За окном разгорался день, самый чёрный день в его жизни, а может и в жизни всего человечества. Но человечество не ведало о приближающейся катастрофе и безмятежно существовало по однажды заведённому порядку. Дух Сухорукова пал. В какой-то момент он уловил шёпот, истекающий отовсюду. Его звуки наполнили голову, как ящик заводного органчика. Обрывки фраз: «Тщета их жизни очевидна, ибо весь смысл её сводится к поиску смысла...», «Вся команда в сборе? И шкипер здесь? Хорошо...», «Какая наивность полагать, будто бы человек есть нечто большее слагаемых его органов, членов, чувств. Мирочувствие его приземлено и сводится к удовлетворению животных начал...», «А ведь штурман-то наш того, аннигилировал, и о Кузьмиче не слышать...». Голоса эти теснили все прочие мысли. Сухоруков вскочил, заметался по комнате, и ринулся вон из неё. На кухне обнаружили пятеро неизвестных, толпившихся у окна. Все они ходили своими красными, изрытыми оспинами физиономиями на исчернувшего Кузьмича. Двое из них посасывали вонючие сигарки, источающие

кислый дымок. Сатанинские голоса прекратили ему досаждать. Пятеро свирепых лиц Кузьмичей слились в единое пятно, умножив поток ненависти каждого в отдельности.

— Полагаю, этому субчику следует создать условия гипоксии, дабы помучился напоследок, — злодеи-пришельцы напялили на свои мерзкие физиономии кислородные маски.

Сухорукову показалось, что слова эти были сказаны хором, всеми Кузьмичами одновременно. Впрочем, на детали отвлекаться недосуг. Он вдруг почувствовал удушье. Лёгкая судорога пробежала по всему его телу. Перед глазами поплыло, кругом всё завертелось, ещё мгновение, и обморок овладел бы им. Но последним усилием воли он поднял руку с зажатой в ладони ракушкой, и в ту же минуту повеяло очистительным озоновым ветерком...

2

Электрический звонок несколько взбудрил Сухорукова. Тяжко вздохнув, он побрёл в прихожую. На пороге стоял чем-то встревоженный Гаврилыч. В углу его рта нервно вздрагивала потухшая папироска. Вид соседа был решителен, и Сергей Сергеевич невольно посторонился. Тем временем незваный гость прошмыгнул на кухню, втянул в себя тамошний воздух и открыл окно. Далее он проследовал в комнату, нисколько не считаясь с присутствием хозяина. Сухорукова деятельность соседа начала раздражать. Приняв хмурый вид, он сквозь зубы съехидничал:

— Ты чего это, Гаврилыч, присматриваешь место, где подтопить?

Сосед остановился. Казалось, он только теперь увидел Сухорукова. Взгляд Гаврилыча был страшен. Подумалось, что им можно припилить всё живое, что находилось поблизости. Сергей Сергеевич вдруг отметил, что даже жужжание мух прекратилось. Наконец он услышал ответ:

— Во времена оны я учительствовал. Так вот, как только появлялся в моём классе человек, названный в честь родителя, так, значит, жди сюрприза. Яблоко, как известно, от яблоньки... Это кем же надо быть, чтоб чадо обозначить собственным именем?

— Ну, ты вот что...

— Где Кузьмичи? — прервал Гаврилыч.

Сухоруков не испугался. Вопрос этот даже нисколько не удивил его. Что-то подсказывало ему, что история с пришельцами не закончилась. Станным образом он обрёл уверенность и готовность к борьбе.

— Не мной сочинены законы мышления. Вспомни простейшие модусы, Гаврилыч, или кто ты там есть на самом деле. Уж коли учительствовал, то разберешься. Если есть А, то есть и В. А есть, значит, есть и В. Но нет В, значит нет и А. Нет Кузьмичей, не было и Кузьмича.

— Не морочь голову, поганец! Да я из тебя... — Гаврилыч осёкся. И было от чего! Прямо на него была направлена смертоносная ракушка.

— Ах, вот оно что! — сосед успокоился и сел в кресло, ещё хранившее тепло зада исчезнувшего дворника. Выражение безразличия являло теперь его лицо. Оно стало походить на физиономию прежне-

го Гаврилыча, незлобивого выпивохи с потухшими глазами. — Надо полагать, без представления не обошлось. Дай-ка мне эту игрушку, пока дел не наворотил.

— Сиди, где сидишь, не рыпайся.

— Брось, Сергеич, этот фокус не стоит и выеденного яйца. О! кстати помянутого, — Гаврилыч потянул носом. Из кухни пробивались запахи слегка подгорелой яичницы.

— Кузьмич! Это ты там промышляешь? — крикнул Гаврилыч.

— Угу. Штурман, говорят, аннигилировал.

— Да нет. Подагра у старухи разыгралась. Всё в порядке. Я с ней общался с полчаса назад.

Через минуту появился Кузьмич со сковородой в руке. Подложив на подоконник дощечку, он примостил её туда же, где не так давно ставил чашку. Вскоре послышалось шумное чавканье, прерываемое сопением. Насытившись, Кузьмич собрал остатки жира корочкой хлеба, прикрыл в блаженстве глаза, и кинул благоухающий кусочек в рот. Прожевав, заметил:

— Процесс поглощения пищи поставлен здесь правильно.

— Это до тех пор, пока поджелудочная железа работает, — усомнился Гаврилыч.

— А где же остальные? — нашёл нужным вмешаться в разговор Сергей Сергеевич.

— Сие тебя не касается, — отрезал Кузьмич.

— Что значит: не касается? — Сухорукова роль статиста в продолжающемся бедламе не устраивала. — Ходят тут разные, объедают, душу тревожат, и — не касается.

Он решительно направил рапану на Кузьмича. Но ожидаемого ветра не последовало. Дворник, ухмыляясь, смотрел на потуги обречённого человечества, вытирая рот широкой ладонью. Откуда было знать Сергеичу, что число фокусов конечно?

В это время в комнату втащилась старуха. Сергей Сергеевич узнал её. Это у неё допытывался Гаврилыч о тех способах моциона, при которых вред здоровью учинить нельзя. Старуха остановилась посреди комнаты. В руке она держала авоську, доверху набитую порожними бутылками и сплюснутыми банками из-под пива.

— Забавляйтесь! А ведомо ли вам, обормоты, что мы раскрыты?

— Кем это?

— Им! — дрожащий крючковатый старухин палец указал на Сергея Сергеевича. — Вот этим вот!

— Так это чепуха, — махнул рукой Гаврилыч.

— Кабы так! Пока Кузьмич, и вся его шайка тут аннигиляцией практиковали, все мои штурманские причиндалы улетучились. Последние мои расчёты восстановлению не подлежат.

— Заново считай, — подал реплику Кузьмич.

— Нечем считать! Вы что же это, не заметили ещё, как мы сильно поглупели за последнее время. Наш интеллектуальный уровень стремительно падает, сравниваясь с уровнем этих, — её палец вновь показал на Сухорукова. — Сверхвозможности утрачиваются. Позавчера я ещё левитацией не манкировала на сон грядущий, ныне — как колода старая, волочусь еле-еле. Мы превращаемся в банальнейших аборигенов. Надо было раньше учесть закон здешний: всякое сборище постепенно снижает свой нравственный и умственный уровень до самого паршивого индивида, стоит ему только появиться. Слившись с ними,

мы тем самым обрекли себя быть такими же. А кто есть они? Такая вот броня однако...

— Не пыли! Смотри-ка, — Кузьмич махнул рукой. Прошла минута, но чего-то ожидаемого не происходило. — А где мусор? — ошалело спросил он.

— То-то и оно: где? Думается мне, что век коротать тут придётся. Тебе, Кузьмич, дворником, тебе, Гаврилыч, забулдыгой здешним, а мне, старухой подагрической. Вот такая нам жизнь уготована.

Раздался топот множества ног. В комнату влетели пятеро Кузьмичей. Один из них был с завязанными глазами и с торчащей ватой из ушей.

— Он ещё может воспользоваться аварийным каналом! — раздался крик. — Мы закрыли ему пути к познанию. Скорее!!

Произошёл переполох. Толпа сгрудилась и... самым непонятным образом Сергей Сергеевич Сухоруков остался один. Будто бы и не было смертельной угрозы, что ещё минуту назад нависала над миром. Сергей Сергеевич вдруг почувствовал, как ноги подогнулись в коленях, и устоять он уже не мог. Обессиленный, он опустился на пол. Окинув взглядом ещё в большей степени разыгравшуюся в квартире «рапсодию», он обнаружил в пепельнице грудку окурков папирос «Север» и тоненьких сигарок. На подоконнике остывала сковорода, и ленивые мухи продолжали по стеклу свой весенний променад. Состояние утерянного благодушия возвращалось, и захотелось чаю.

Об авторе

Петр Николаевич Ртищев родился в 1959 году в городе Красноярске в семье военного (поэтому пришлось пожить в разных районах бывшего СССР — от Крыма до Омска). Высшее образование получил в Московском Электротехническом институте связи; кандидат технических наук. Четыре года отслужил в рядах ВС СССР; работал мастером (затем начальником участка) по строительству линейных сооружений городской телефонной сети, начальником цеха связи тропосферной связи на полуострове Ямал, инженером в НИИ им. Курчатова и др. С 1991 года руководит рядом малых предприятий в сфере проектирования и строительства коммуникаций.

В 2005 году вышла книга прозы «Блуждающие во мраке» (в соавторстве с В. Бондарчиком). Рассказы П. Ртищева «Воронка Хроноса», «Несостоявшийся вычислитель», «Шпионское нашествие», «Таганрогская загадка», «Заблудившийся крик Атлантиды» публиковались в журнале «Знание-сила» и в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика».